

Виталий
КОВАЛИНСКИЙ

145 лет тому назад — 21 января (2 февраля) 1868 г. — в Киеве была открыта музыкальная школа, ставшая через несколько лет училищем, а потом и консерваторией.

Но первые шаги в музыкальном образовании в Киеве можно отнести к концу второй половины XVIII ст. На это время приходится запись в документах киевской думы о том, что при городском оркестре в 1786 г. обучались 6 мальчиков-сирот, на которых дума затратила 4 руб. 80 коп. Через 100 с лишним лет историк Н. В. Молчановский писал: «Положение их в оркестре едва ли было очень благоприятное, так как **городские музыканты известны были своей склонностью к пьянству и драчливости.** На сам оркестр расходы города были не велики. Капельмейстер получал в год 45 руб. жалованья, музыканты вместе с городскими сторожами 380 руб. в год. Из инструментов оркестра в протоколе упоминаются трубы, валторны, гобои, кларнеты, литавры и бас. Починка этих инструментов производилась почему-то на счет питейного дохода и сопряжена была с большими трудностями, за неимением подходящих мастеров».

И вот теперь, в 1868-м, появилась школа музыки. Это учебное заведение стало результатом активной деятельности Киевского отделения Русского музыкального общества, образованного в октябре 1863 г. по инициативе местных любителей с целью популяризации музыкального искусства. Председателем дирекции был избран и возглавлял отделение в течение 10 лет киевский губернский предводитель дворянства и композитор-любитель П. Д. Селецкий. В числе основателей были общественный деятель и меценат Г. П. Галаган, археограф и фольклорист Н. А. Ригельман, композитор и дирижер Р. А. Пфениг, композитор Н. В. Лысенко, дирижер В. М. Вилинский и другие.

Решающую помощь в открытии школы оказал генерал-губернатор А. П. Безак, выделив субсидию в 1000 руб. Музыкальное общество и школа расположились в арендованном помещении в 3-этажном доме купца В. И. Гладина по ул. Малой Житомирской, 7.

В день открытия и начала занятий сюда к часу пополудни прибыли гражданский губернатор М. К. Катакази, предводитель дворянства П. Д. Селецкий и все члены отделения общества. По такому торжественному случаю настоятель церкви университета св. Владимира о. Назарий Фаворов совершил молебствие. На нем присутствовали учителя школы, уже поступившие ученики и ученицы, а также, как отметила пресса, **«несколько посторонних лиц, более или менее заинтересованных фактом открытия школы».**

Перед тем, как здание было окроплено святой водой, один из членов-исполнителей общества (его фамилию газета «Киевлянин» в своей информации не назвала) сказал несколько слов о целях музыкального общества и школы:

Музыке — и мысли, и дела

Киевское музыкальное училище. 1910-е

Р. А. Пфениг

«Основание школы в Киеве, кроме местного, имеет значение и общерусское, ввиду тех богатств южнорусских народных мелодий, которые в будущем могут служить неисчерпаемым источником вдохновения для русских композиторов».

Основание школы на прочных началах — дело важное для всей России при тех обстоятельствах, ввиду которых образованному русскому музыканту (это был профессор, музыкальный критик, композитор Г. А. Ларош. — В. К.), написавшему в недавнее время статью о Глинке, пришлось, говоря о будущности русской музыки, о предстоящей ей борьбе с иноземными влияниями, высказывать следующие истины:

«Торжество нашей музыки может быть прочное и глубокое; оно также может быть эфемерное и поверхностное. Оно будет прочно, если мы победим противника его же собственным оружием; оно будет эфемерно, если мы не усвоим себе вовремя этого оружия и не будем им владеть. Оружие это заключается в музыкальной технике, выработанной у современной германской школы до поразительной степени утонченности. Совершенство механизма объясняет, почему Германия так сильно влияет на музыкальное развитие соседних ей стран, почему в течение столетия высыпала во Францию музыкальных пионеров (Глюка, Герольда, Мейербера, Оффенбаха), почему она в настоящее время взяла Россию под свою музыкальную опеку».

Отделаться от этой опеки (продолжает автор), стать на собственные ноги и в свою очередь произвести реформу в музыкальной Германии русская школа сможет не иначе, как усвоив себе все оружие этой блестящей техники, этого полного владения материалом. Но здесь приходится оглянуться на нашу музыкальную обстановку с глубоким сожалением и стыдом. Серьезного изучения музыки нет, знания блистают своим отсутствием; и верный спутник невежества, в своей информации не назвала) сказал несколько слов о целях музыкального общества и школы:

рецензиях, усыпляющих нашу самодетельность презрительными и голословными отзывами о «немецкой» музыке и столь же голословными хвалебными возгласами по поводу ничтожнейших явлений русской музыки. Не стараясь усвоить себе гармоническое и контрапунктическое искусство, наши композиторы, воспитанные этой поверхностной и самонадеянной критикой, остаются обыкновенно подражателями, как бы, нередко, ни считали себя оригинальными. Чтоб владеть огромной и разрозненной областью наших народных песен (овладеть теоретически — посредством анализа; овладеть практически — посредством гармонизации и аранжировки) нужно много знания, много труда, много подготовки; то и другое воспитывается не самовосхвалением».

В словах этих мы можем найти оправдание своей деятельности перед киевской публикой. Если уже все, что мы могли только, по слабым своим средствам экономическим, умственным и эстетическим, сделать полезного заключается единственно в **мысли** об основании школы у нас, то, мне кажется, что и это, при настоящем развитии Киева в музыкальном отношении, может быть названо **делом**, тем более тогда, когда мысль эта наконец приближается к исполнению.

Да! Мы не переливали из пустого в порожнее, как любят о нас выражаться строго требовательные критики наши (хотя и киевляне, но считающие интересы род-

ного города для себя чуждыми и потому отзываются с пренебрежением о наших концертах, так как они имели случай слышать в Париже или С.-Петербурге лучшие концерты), мы делали дело, имеющее смысл и значение не только для нашего города и для нашего края, но и для всей России.

Но не дай Бог впасть нам во второй недостаток, выставленный автором статьи о Глинке, — самохвальство. Сознывая вполне, что мы трудились, а не убивали время попусту, мы очень хорошо понимаем, что мы еще почти ничего не сделали, что наши труды имеют значение только подготовительной работы. Главная и серьезная работа, которая — не по нашим силам и не для нас — еще

впереди. Мы приготавливали для нее только почву. Но все же, предоставив ее специалистам, могли бы ее взять на себя, — учителям открыта в нашей школе, можем ли

мы остаться хладнокровными зрителями совершающегося перед нашими глазами факта? Можем ли мы в настоящее время, когда почти достигли своей цели, не оказать никакой помощи делу основания школы? Мы, не специалисты в музыке, можем в этом случае высказать свое содействие как дилетанты. Мысль о концерте или спектакле в пользу новооткрываемой школы, возникшая в среде членов-исполнителей нашего общества, доказывает, что все мы не пожалеем трудов для возможного с нашей стороны вспомоществования тому делу, полезные труды которого нам приходится предоставить будущему поколению. На нашу долю досталось пока расчищать дорогу для хода того общественного стимула, который называется эстетическим — музыкальным образованием. И так — не унывая, примемся за дружную работу, во имя идеи, которая воодушевляла нас до сих пор и будет воодушевлять, пока будет

существовать название, связующее наши интересы.

«...В талантах у нас нет недостатка (я прошу позволения закончить мое слово цитатой из той же статьи Лароша о Глинке): они всплывают и гибнут ежeminутно именно от того, что одного таланта мало, что одним талантом в искусстве ничего не возьмешь. Для труда нужна еще **энергия**, которой мы, по крайней мере до сих пор, не отличались, и нужно знание, которым мы еще так не богаты. **Да устремится же наше юное искусство по этому пути серьезно и глубоко изучения**, да приобретет оно, в борьбе с техническими трудностями контрапункта, в анализе великих композиций прошлых веков, ту крепость мысли и то смирение перед историей искусства, без которых не мыслим высокий подвиг создать свою, народную музыку!».

В 1868 г. Киев был небольшим по населению городом: по состоянию на 16 июля — 84 880 жителей, в т. ч. 59 065 постоянных, 10 288 временных и 15 527 военных. Поэтому в первом наборе музыкальной школы, директором которой стал Р. А. Пфениг, было лишь 11 учеников по пяти специализациям — фортепиано, скрипка, виолончель, пение и теория музыки. Но вскоре число учащихся стало воз-

растать, и через три года заговорили о более просторном помещении. В результате по «высочайшему» повелению Александра II от 5 августа 1872 г. дирекция Киевского отделения Императорского русского музыкального общества получила в свое распоряжение 2836 кв. саженей (1,29 га) земли бывшего сада в глубине усадьбы городской почты, между улицами Крещатикум и Прорезной.

13 июня 1873 г. городская дума согласовала строительство здания (уже не школы, а музыкального училища) по проекту архитектора А. Я. Шилле, и 28 июня состоялась его закладка. 14 сентября 1874-го преобразованное музыкальное училище, теперь уже с общеобразовательными предметами, было открыто в новом здании — 2-этажном, с третьим мансардным этажом и башней по центру фасада. В следующем году директором стал виолончелист Альбрехт, а с 1877 г. училище возглавлял свыше 35 лет В. В. Пухальский.

В 1903 г. здесь занимались 411 учеников и учениц. Из них 20 учащихся состояли на стипендиях музыкального общества и по одному — на стипендии имени А. С. Пушкина и шести персональных стипендиях членов общества. К годовым экзаменам в апреле-мае 1903-го были допущены по классам пения-сола, скрипки, виолончели, контрабаса, флейты, гобоя, кларнета, фагота, валторны, трубы, тромбона и теории музыки всего 365 учащихся.

4 ноября 1910 г. газета «Киевлянин» сообщила о скором завершении перестройки здания музыкального училища — к нему по проекту В. Н. Николаева добавили 3-этажный корпус. **В результате училище значительно расширилось и имело уже 25 классных помещений.** Прилегающую площадь заново спланировали, замостили гранитными кубиками, в центре устроили сквер с бронзовым бюстом М. И. Глинки на пьедестале из лабрадорита, установленным за средства многолетнего председателя Киевского отделения музыкального общества А. Н. Виноградского.

Здание училища значилось по ул. Прорезной, 4—6 и пер. Музыкальному, 3, но все это было разрушено в первый год Великой Отечественной войны. Чудом уцелел только памятник, который в 1955 г. перенесли в Городской сад. То, что осталось от бывшего музыкального училища, было перестроено в одно из помещений телерадиоцентра.

«...Мы делали дело, имеющее смысл и значение не только для нашего города и для нашего края, но и для всей России»

Интернет-магазин
www.gobest.com.ua

Фільтри ЕКО 2000

та комплектуючі

3 рівні доочищення води:

1. **Керамічний вкладки**
2. **Вугільний сорбент оброблений нітратом срібла**
3. **Магніт.**

Швидко акція обміну
ЕКО 222 на ЕКО 2000

292-95-30; 292-95-32

Київ, вул. Пожарського, 4 (ст.м. "Дарниця")

Можлива доставка по підключенню